О РЕПЕРТУАРЕ ТЕАТРА И БЕЗИДЕЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

Пять лет назад в Таганроге был создан драматический театр имени А. П. Чехова. Молодые талантливые артисты—воспитанники Государственного института театрального искусства—составили коллектив театра, творческие принципы которого определялись линией жизненной правды. Этой верной линией и талантливой игрой артисты завоевали успех у зрителей не только Таганрога, но и других городов Союза. Они с первых же спектаклей покорили зрителей пьесами А. П. Чехова «Три сестры» и А. М. Горького «Мещане», предвосхищающими грядущее освобождение труда.

Шли годы. И зритель вправе был ожидать от своего театра новых пьес, в которых был бы показан наш советский человек, его социалистическое отношение к труду. Это было бы вполне закономерным развитием всей творческой линии театра. Это имело бы огромное значение не только для зрителей, но и для молодых, растущих артистов. Но этого не случилось. Таганрожцы очень редко видят на сцене пьесы о людях социалистического труда. С течением времени они перестали видеть на сцене и многих талантливых артистов, которых успели полюбить.

... Ушли из театрального коллектива артисты Сиваков, Титова, Штейнрайх, Богатырев, Федина, Сазонов, Вигуляриная и другие. И даже артисты Шатолюк и Рогович, проявившие недюжинные режиссерские способности, не сумели удержаться в театре. В чем же дело, неужели все объясняется причинами личного порядка? Нет.

Директор театра т. Бертем давно слывет человеком бездушным, когда речь заходит о насущных культурно-бытовых нуждах работников театра. Он не проявляет ни малейшего беспокойства о том, чтобы создать нормальные условия для работы артистов. Но и это далеко не все, что мешает росту театра. У артистов — чувство неудовлетворенности той творческой линией, которую вели часто менявшиеся художественные руководители. Самое же главное, что волнует весь коллектив театра, — это вопрос об идейной насыщенности спектаклей, о репертуарной политике.

Артисты не раз высказывали настойчивое желание показать зрителю советские пьесы—«Русский вопрос», «За тех, кто в море», «Молодая гвардия». Зритель все же не увидел этих целеустремленных произведений советской драматургии. Директор театра т. Бертем всегда находил всевозможные причины, дабы разубедить коллектив в целесообразности постановки этих пьес и вызвать у него неверие в свои силы или в силу художественного

воздействия советского спектакля. Он выставлял такой страшный аргумент, что в театре якобы нет артистов для исполнения ролей молодого гвардейцев. А где же они есть, если не в таганрогском молодом театральном коллективе?

Директор театра отверг также пьесу А. Софронова «Московский характер», на постановку которой надеялись артисты. Не захотел поставить эту пьесу и художественный руководитель т. Левантовский, хотя коллектив артистов и надеялся, что с его приходом резко изменится положение с репертуаром театра. «В театр была прислана пьеса «Московский характер», — пишут в редакцию.—Ее прочли и этим ограничились... Художественный руководитель т. Левантовский даже не считал нужным подвергнуть обсуждению пьесу и с пренебрежительной улыбкой отложил ее в сторону».

Отвергли руководители театра и многие другие пьесы советских авторов, в том числе и пьесы для школьников.

Чем, если не стремлением оторвать наших детей от коммунистического воспитания, можно объяснить, что после двух сказок — «Снежная королева» и «Хрустальный башмачок» т. Бертем и т. Левантовский решили поставить и третью — «Сказку об Иванушке и Василисе Прекрасной». Чего же они задумали добиться своим пристрастием к сказкам—увести детей из мира действительности в сказочный мир? Зачем это им понадобилось?

«Сын полка», «Два капитана», «Красный галстук», «Особое задание», «Зеленый сундучок», «Снежок» — ни одну из этих высокоидейных советских пьес не увидели юные зрители Таганрога. А взрослым не показали ни одной из повсеместно идущих и пользующихся большим успехом пьес — «Хлеб наш насущный», «В одном городе», «Московский характер», «Заговор обреченных», «Закон чести», «За тех, кто в море», «Жизнь в цитадели», «Большая судьба» и другие.

Театр поставил пьесу Ромашова «Великая сила». Но немногим таганрожцам удалось ее посмотреть. С поразительной, непонятной скупостью шла она в последнем квартале прошлого года: в октябре — один раз, в ноябрь — один раз, в декабре — один раз. На большее не решались! И это в то время, когда в арсенале театра не имелось других пьес, равных этому боевому целеустремленному спектаклю по силе идейно-художественного воздействия.

О чем говорят эти факты? О том, что директор театра т. Бертем

избегает постановки лучших советских пьес. Главный же режиссер театра т. Левантовский ничего не сделал, чтобы выправить эту порочную линию.

Руководители театра, видите ли, не против «Зеленого сундучка», а против больших затрат для этого спектакля. Подготовка же спектакля «Сказка об Иванушке и Василисе Прекрасной» забрала несколько не меньше средств. Они, мол, не против пьес о советской действительности, но кто его знает, какая там художественная ценность этих современных пьес, как пойдет зритель... А вот «Коварство и любовь» Шиллера — это вещь давно испытанная!

Никто не может, конечно, ничего сказать против этой пьесы. Но такая политика граничит с самым настоящим коварством, столь характерным для безродных космополитов, антипатриотов.

Советский зритель любит пьесы, правильно раскрывающие тему жизнепревращений современности, показывающие благородные патристические устремления к коммунизму. А т. Бертем дал тихий, бесшумный бой советским пьесам. Последние 8-9 месяцев помогал ему в этом и т. Левантовский.

Прекрасное — это не туманные идеалы буржуазных эстетов, а сама жизнь, наша советская жизнь, несравненно лучшая всякой сказки. Почему же театру не окунуться в эту жизнь?

Если бы у руководителей театра был именно такой подход в репертуарной политике, то и запросы трудящихся были бы удовлетворены, и сами артисты, исполняя роли, связанные с нашей сегодняшней жизнью, могли бы полнее раскрыть свои молодые дарования.

...Артистка Подвалова играет леди Мильфорд в пьесе «Коварство и любовь». Играет хорошо. Ей самой доставляет удовольствие удача перевоплощения. — Но почему я непременно ледя? — сетует она... — Могла бы ведь создать на сцене образ советской волевой женщины — из жизни сегодняшнего дня.

Артистка и впрямь этого хочет. Она настойчиво изучает жизнь, встречается с учительницами, стхановцами, вдаваясь в детали характера нового, советского человека. Ей чужды театральные штампы. Она мечтает о роли Ирины Гринева в «Московском характере» А. Софронова. Но она не может осуществить свою мечту...

Ни зрители, ни молодой способный коллектив артистов не намерены впрямь мириться с такой обстановкой, при которой театр волею его руководителей отстраняется от насущных задач советского общества.